

От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны

Елена Владимировна Генералова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), elena-generalova@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003953-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается фрагмент современной русской языковой картины мира: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны за последние сто лет. Анализ частотности, семантики, становления в качестве эпитетов этих прилагательных позволяет, с одной стороны, сделать выводы о функционировании различных качественных и относительных прилагательных русского языка, а с другой стороны, проанализировать субъективное восприятие времени и истории в различные эпохи (см. *легкомысленные семидесятые, глухие восьмидесятые, сытые нулевые*). Подробно рассматривается история устойчивых выражений *сороковые роковые* и *лихие девяностые*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпитет, лингвистика стереотипов, имя прилагательное, семантика

для цитирования: Генералова Е. В. От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны // Русская речь. 2019. № 1. С. 37–43. DOI: 10.31857/S013161170003953-7.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии»).

Issues of Modern Russian Language

From ‘*Violent Tenth*’ to ‘*Obese Zeros*’: the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History of our Country

---

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Russia, St. Petersburg),
elena-generalova@yandex.ru

ABSTRACT: The article deals with a fragment of the modern Russian linguistic world image — the epithets to denote the ten-year periods in the history of our country over the past hundred years. The investigation of frequency, semantics, formation of these adjectives as epithets allows, on the one hand, to draw conclusions about the functioning of various qualitative and relative adjectives in Russian, and on the other hand, to analyze the subjective perception of time and history in different epochs (see *frivolous seventies*, *deaf eighties*, *obese zeros*). The history of fixed expressions *сороковые роковые* (*fatal forties*) and *лихие девяностые* (*dashing nineties*) is considered in detail.

KEYWORDS: epithet, linguistics of stereotypes, adjectives, semantics

FOR CITATION: Generalova E. V. From ‘*Violent Tenth*’ to ‘*Obese Zeros*’: the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History of our Country. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 1. Pp. 37–43. DOI: 10.31857/S013161170003953-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 19-012-00214 “Man and Society in the Mirror of New Russian Phraseology”).

Человек живет в потоке времени и осмысливает это время. Пытаясь расчлнить поток на отдельные фрагменты и выделить в нем отдельные периоды, человек дает им названия, «наклеивает ярлыки». Особенно ин-

тересны в этом смысле названия, даваемые не историками (ср. *Средневековье*), а современниками — людьми, живущими в это время. Индивидуальные интерпретации периодов могут сильно различаться, т. к. несут отпечаток личного опыта, но в чем-то совпадают и сливаются в обобщенный образ Времени.

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка и интернет-ресурсов рассматривается фрагмент современной русской языковой картины мира: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов в истории нашей страны за последние сто лет.

Бурные десятые, грозные, грозовые, смутные, комсомольские, атеистические, романтические двадцатые, железные, страшные тридцатые, военные, роковые, страшные, суровые, огненные сороковые, золотые, сложные, послевоенные, репрессивные пятидесятые, безумные, благословенные, звонкие, поющие, прекрасные шестидесятые, застойные семидесятые, глухие, гнилые, тихие, тяжелые, социалистические, смутные восьмидесятые, лихие, ельцинские, демократические, лихорадочные, криминальные, пестрые, постперестроечные, бандитские, разгульные, анархичные девяностые, тучные, путинские, стабильные, сытые, бурные нулевые... Такой в языковой картине мира предстает история нашей страны за последние сто лет.

Названия промежутков времени — показатель восприятия (иногда идеологизации) обозначаемых эпох. В центре внимания находятся словосочетания по модели «имя прилагательное + порядковое числительное, образованное от названий десятков + существительное *годы*» (*ленинские двадцатые годы*) или «имя прилагательное + субстантивированное в форме мн. ч. порядковое числительное — обозначение десятилетия» (*лихие девяностые*). При спорности понятия «эпитет» в научной литературе, в настоящей статье, вслед за В. П. Москвиным, рассматриваем эпитеты в узком смысле этого термина: как красочные прилагательные, оттеняющие существительное [Москвин 2011: 1, 4].

Для получения обоснованных данных важно учитывать авторство и тип текста (нельзя считать равноценными художественный образ и газетный штамп), а также время создания текста (возникает ли эпитет в описываемое им время или создается позже в результате рефлексии — см., например, «оттепель» — известное образное наименование периода в истории СССР, начавшегося после смерти И. В. Сталина и продолжавшегося до начала 60-х гг., восходит к названию повести И. Г. Эренбурга, написанной в 1954–1956 гг., т. е., собственно, в обозначаемый период, а крылатое выражение «сороковые роковые» появляется в стихотворении Д. Самойлова не во время войны, а в 1961 г.).

Прежде всего интересно рассмотреть эпитеты к названиям десятилетий с точки зрения частотности, т. к. именно повторяемость сочетания демонстрирует устойчивость образа и позволяет говорить о стереотипи-

зации: так, Е. Бартминьский пишет, что показателями стереотипизации являются «повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, а также закрепление этой характеристики в языке» [Бартминьский 2005: 170].

Большинство определений к обозначениям десятилетий являются окказиональными: см. *обэриутские двадцатые-тридцатые... стоили дороже жестяной современности* (А. Найман. Все и каждый // «Октябрь», 2003), *гнилые восьмидесятые принято сейчас только ругать, но я не могу присоединиться к общему мнению* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени. 2008). Фиксируются яркие, необычные образы: *звонкие шестидесятые годы — расцвет советского вольномыслия* (И. С. Шкловский. Новеллы и популярные статьи. 1982), *Я же была грешна. Согрешила я в «вегетарианские», как их называла Ахматова, двадцатые годы. И в 1935-м — отнюдь не вегетарианском! — после убийства Кирова* (Л. К. Чуковская. Прочерк. 1980–1994) (метафора «вегетарианских» двадцатых возникает на основе их сопоставления с последующим, полным репрессий и крови, десятилетием тридцатых годов — ср. аналогичный образ в современной публицистике: *диетические шестидесятые*).

Существование одного окказионального эпитета иногда поддерживается наличием другого, и создаются окказиональные антонимические пары, по аналогии с уже существующими эпитетами образуются новые: см. «Что касается отношения молодежи к постсоветскому периоду российского общества, то оно основано преимущественно на тиражируемых в отечественных СМИ штампах о «лихих» / «голодных» 90-х и «стабильных» / «сытых» нулевых» [Ядова 2012: 194].

На фоне окказиональных эпитетов выделяются отдельные повторяющиеся характеристики некоторых десятилетий: *бурные двадцатые, страшные тридцатые, застойные семидесятые, стабильные и тучные нулевые*. Такие эпитеты — уже показатель обобщенной характеристики соответствующего периода.

Отдельно скажем о двух наиболее известных эпитетах-характеристиках десятилетий. Эти эпитеты не просто являются частотными, с ними возникают устойчивые сочетания: это фразеологические выражения *сороковые роковые* и *лихие девяностые*.

Выражение *сороковые роковые* авторское, оно обязано своим появлением поэту Давиду Самойлову: его стихотворение «Сороковые роковые» впервые появилось в журнале «Новый мир» в 1961 г., через это стихотворение рефреном проходят строки:

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Стихотворение очень быстро приобрело широчайшую известность (см. *Его еще почти не печатали, но мы уже, конечно, знали наизусть его знаменитые «Сороковые, роковые...» и «Смерть царя Ивана». Для нас поэтому тогда Давид Самойлов, равно как Борис Слуцкий, были самыми главными поэтами, почти богами. Еще бы!* (А. Городницкий. «И жить еще надежде». 2001). За счет рифмы, аллитерации и точности, выражение *сороковые роковые*, зримо передающее грохот грозного военного времени, стало крылатым и часто используется авторами текстов разных жанров и лет.

Фразеологизм *лихие девяностые*, возможно, тоже является авторским. По наблюдениям И. Кабанова, это выражение фиксируется как журналистский штамп с ноября 2003 г. и приписывается Михаилу Веллеру. Вероятно, впервые выражение *лихие девяностые* появилось в романе М. Веллера «Кассандра», изданном в 2002 году. Сам М. Веллер не отрицает свое авторство, однако на прямой вопрос отвечает в интервью уклончиво: «Знаете, видимо, слава — это когда ты начинаешь узнавать о себе то, чего никогда не подозревал. Несколько лет назад я узнал, что вроде бы, когда у меня в «Кассандре» (в 2001 году я ее писал) встретилось выражение «лихие девяностые», то оно встретилось самый первый раз из всего, что нарыли ребята из большой телевизионной бригады. Так что, может быть, в самом деле это так. В любом случае это глубоко лестно» [ЛИТЕ 30.07.2018].

Интересна семантика эпитета *лихой*. Это слово относится к индоевропейскому пласту лексики, активно используется на протяжении всей истории русского языка, обладая общей оценочной семантикой и при этом, что интересно, оценочной энантиосемией. Энантиосемия как редкий непродуктивный вид антонимии — внутрисловная антонимия, может быть корневой, морфологической (аффиксальной) и оценочной. При оценочной энантиосемии одно и то же слово может иметь в разных контекстах значения с противоположной оценочностью. Именно такая амбивалентность характерна для семантики слова *лихой*. В истории русского языка лексемы с корнем *-лих-* устойчиво связаны с понятиями «беда, горе», «болезнь», «нечистая сила». Впоследствии прилагательное *лихой* развивает, с одной стороны, значения 'причиняющий (могущий причинить) вред, зло; злой, полный тягот, бед'; 'тяжелый, трудный (о времени, поре и т. п.)', а с другой стороны — значения 'смелый, храбрый, удалой', 'быстрый, стремительный', 'залихватский, бойкий, задорный', 'делающий что-л. быстро, ловко, умело', 'имеющий пристрастие к чему-л.; очень любящий кого-, что-л.', при этом первое значение имеет отрицательную коннотацию, а второе — положительную. В современных толковых словарях эти значения *лихой* могут даже интерпретироваться как омонимы [Горбачевич 2007: 239–240], но в их основе единое прилагательное *лихой*. Устойчивое сочетание *лихие девяностые*, безусловно, допускает эту воз-

возможность двоякого толкования прилагательного и использования его и с положительной оценочностью, с намеком на романтичность соответствующего периода, и с иронией, в негативном контексте.

Кроме окказиональных и устойчивых эпитетов, выделяются также сквозные эпитеты, которые могут характеризовать разные десятилетия (например, эпитет *бурные*). Такие эпитеты можно считать общими характеристиками времени, неслучайно они приведены как частые эпитеты при слове *время* в «Словаре эпитетов русского литературного языка» [Горбачевич, Хабло 1979: 75].

По семантическому параметру выделяются оценочные (*прекрасные шестидесятые*) и уточняющие эпитеты. Уточняющие эпитеты содержат указание на значимые исторические факты и события (*военные сороковые, репрессивные пятидесятые, постперестроечные девяностые*), политического лидера этого времени (*ельцинские девяностые, путинские нулевые*), господствующие течения и организации (*комсомольские, атеистические двадцатые, социалистические семидесятые, демократические девяностые, бандитские девяностые*), наличие / отсутствие общественно-политической жизни (*бурные десятилетия, бурные нулевые / застойные семидесятые, гнилые восьмидесятые*) и т. п.

Рассмотрение оценочных эпитетов позволяет исследовать субъективное ощущение времени в разные годы. Время интерпретируется с точки зрения его спокойствия и наличия чувства страха (*грозные, грозные двадцатые, страшные тридцатые, страшные сороковые, легкомысленные семидесятые, стабильные нулевые*), наличия пропитания (*голодные двадцатые, сытые, тучные нулевые*). Время осмысливается через различные образы, например интерпретируется в метафорах звука (*звонкие, поющие шестидесятые, глухие восьмидесятые, тихие восьмидесятые*), материала (*железные двадцатые, золотые пятидесятые*), стихии (*огненные сороковые*).

В какой период мы живем сейчас? Какое название получают первые десятилетия XX века? Это название пока только подбирается: *У нас были лихие девяностые и стабильные нулевые. А теперь у нас — снова лихие, только десятилетия. Вернее сказать — депутатские.* (М. Кононенко. Лихие депутатские // Известия, 19.02.2013), *Путинские нулевые... Какие они? Тучные... серые... брутальные... чекистские... гламурные... стабильные... державные... православные...* (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).

В целом эпитеты к обозначениям десятилетних периодов истории интересны для изучения и в собственно лексикологическом аспекте (семантика и функционирование качественных и относительных прилагательных русского языка), и в стилистическом (образование эпитетов разных типов), и в лингвокультурологическом отношении (концептуализация языковой

Е. В. Генералова. От «бурных десятых» до «тучных нулевых»: эпитеты к обозначениям десятилетних периодов...

E. V. Generalova. From 'Violent Tenth' to 'Obese Zeros': the Epithets to Denote the Ten-year Periods in the History...

картины мира). В таких прилагательных отражаются индивидуальные и стереотипные представления о времени, а разнообразие и само количество таких эпитетов свидетельствует об удивительной наполненности, насыщенности и разнообразии времени, в потоке которого мы живем.

Литература

- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
- Горбачевич К. С. (ред.) Большой академический словарь русского языка. Л–Медь. М. – СПб.: Наука, 2007. Т. 9. 658 с.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, Л-дское отд., 1979. 567 с.
- Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 4 (14). Декабрь 2011. С. 1–5. URL: www.grani.vspu.ru (дата последнего обращения – 30.07.2018).
- Ядова М. А. Девяностые и нулевые в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения // Политическая наука. 2012. № 2. С. 177–195.
- LITE [Электронный ресурс]. URL: https://tvrain.ru/lite/teleshov/kak_vse_nachinalos/veller406239/ (дата последнего обращения – 30.07.2018).

References

- Bartmin'skiy Ye. *Yazykovoï obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 527 p.
- Gorbachevich K. S. (ed.) *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka*. [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow – SPb., L-Med' – Nauka Publ., 2007. vol. 9, 658 p.
- Gorbachevich K. S., Khablo Ye. P. *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka*. [Dictionary of epithets of the Russian literary language.] Leningrad, Nauka Publ., 1979, 567 p.
- LITE. [Электронный ресурс]. URL: https://tvrain.ru/lite/teleshov/kak_vse_nachinalos/veller406239/ (accessed on 30.07.2018).
- Moskvin V. P. [Epithet as a subject of theoretical consideration]. *Elektronny nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGPU «Grani poznaniya»*. No 4 (14). Dec. 2011. pp. 1–5. URL: www.grani.vspu.ru (accessed on 30.07.2018). (In Russ.)
- Yadova M. A. [The nineties and 'zeros' viewed by 'modernists' and 'traditionalists' of the post-Soviet generation]. *Politicheskaya nauka*, 2012, № 2, pp. 177–195. (In Russ.)